

Е.Г. Гусар

Зоометафора: полихромная модель отношений он – она – они

В современной русской культуре сохранились (и, по нашему мнению, входят в ядро русского концептуария) парные концепты МУЖИК/МУЖЧИНА, БАБА/ЖЕНЩИНА. Эти доминантные знаки разных культур (дворянской и общинно-деревенской – в настоящее время люмпен-городской) диахронически меняли таксономическое наполнение, сохраняя постоянную структуру: ВНЕШНОСТЬ, ВОЗРАСТ, ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА, МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫЕ КАЧЕСТВА, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА, ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ, СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ, КОНТРАГЕНТ.

В исследовании «БАБА в зеркале русского менталитета» мы развивали мысль В.Н. Телии о том, что в русской роевой (общинной, крестьянской) культуре концепт «БАБА» противопоставлен не своему контрагенту – концепту «МУЖИК», «а оказывается контрадикторным по многим концептуальным основаниям человеку как таковому» [1, с. 267].

Высказывание *кураца не птица, баба не человек* является ключевым в русской мировоззренческой парадигме. Это «почка», в которой заключены типологические черты недочеловека (глупость – недоум [1, с. 267], грубость, телесность, простоватость – свойскость...), именуемого в русской культуре бабой. Устойчивое сочетание баба-дура в настоящее время развернулось во фразеологизм, содержащий объяснение природы доминантного признака: *Баба – дура не потому, что дура, а потому, что баба*. Признак глупости наделяется статусом генетического, что закреплено в целом ряде сочетаний: *баба-дура, все бабы дуры, глупая баба, куриные мозги, бабы бредни, ОБС – одна баба сказала, женская логика* и проч.

Анализ дискурса современных женских (гламурных) журналов (Cosmopolitan, Glamour, Elle, Арбат-Престиж) позволяет утверждать, что в мире глянца гендерная культурная парадигма представлена отнюдь не бабой, а *женщиной, леди, стервой, карьеристкой, домохозяйкой, космогерл, девушкой в стиле Cosmo, правильной девушкой = гламурной девушкой, трэш-дивой, секси*. Баба в мире гламура является существом инопланетным. На само же слово явно наложено табу, ибо гламурная девушка (дама вне возраста) имеет прекрасное образование, чужда простоты и допускает по отношению к себе только положительную оценочность. Сравните данные признаки с рядом производных, вторично-номинативных значений слова *баба*:

1. Простая, необразованная женщина;

2. Жена или сожительница кого-либо (оценочное);
3. Женщина вообще (пренебрежительное);
4. Слабый мужчина (презрительное);
5. Бабушка (умалительное или ласкательное) [2, с. 30].

Единственный обнаруженный нами случай употребления слова *баба* в журнале «ELLE» связан с названием материала об известной русской актрисе Наталье Сурковой «Бой-баба». Лид (*В своей самой известной кинороли Наталья Суркова неузнаваема. Никто не может угадать в большой ненакрашенной деревенской Анне... актрису Петербургского молодежного театра. Как же удалось такой красавице превратиться в простую русскую бабу 56-го размера?*) на фоне гламурной фотографии с указанием торговой марки одежды актрисы (*Платье, Martin Margiela. Жакет, перчатки, сумка, все – Comme des Garçons. Сапоги Viktor & Rolf.*) задает жесткую, абсолютно отрицательную оценку изучаемого персонажа – бабы. Сама же актриса – персонаж положительный, так как полностью соответствует стандарту гламурной девушки (стильной, дорогой, образованной, профессиональной). Имидж «баба» – это показатель высокого уровня актерского мастерства: *Она убеждена, что хорошую актрису красит не раз и навсегда избранный имидж, а, наоборот, готовность к дерзким трансформациям*. Баба, по меркам гламурного аршина, дерзость немалая, но прощаемая за профессионализм.

Модель поведения, принятая в современном русском (читай, городском) обществе: *В семнадцать надо окончить школу, в 22 – институт, к 25 годам обзавестись неплохой работой, в те же самые годы выйти замуж и непосредственно после этого зачать ребенка. К 35 годам мы должны научиться зарабатывать хорошие деньги или научить зарабатывать мужа, а самой поплевывать в потолок с чувством выполненного долга, неприемлема для гламурной девушки*. Это типовой сценарий, а правильная девушка – индивидуалистка и не допускает лекал, желая просто интересно жить. Категорией целеполагания для нее является состояние счастья.

Доминантные признаки гламурной девушки – *стильная, модная, современная, образованная, социально успешная, самодостаточная, свободолюбивая, независимая, умная, здоровая, сексуальная, дорогая, счастливая*. Самодостаточность, свободолюбие, независимость определяют *modus vivendi* правильной девушки и ее мировосприятие.

Мир гламурной девушки строится на оси отношений Я – ОН – ОНИ.

Я (правильная девушка) – ОН (в грезах мужчина моей мечты, в данности, увы, просто мой мужчина) – ОНИ (подруги, коллеги). Многогранность таких отношений всегда уравнивается постоянством оценки: Я (всегда положительная), ОН (зачастую уничижительная), ОНИ (как правило, отрицательная). Интересно, что для гламурной девушки характерен только внешний конфликт.

В гламурных текстах используется множество способов выражения оценки, один из них – метафора. Метафора, в силу ее многослойности, полихромности, – очень емкий способ передачи охарактеризованной информации. Так, например, наиболее эксплуатируемый образ Я-птица построен на основе переноса ряда признаков ‘свободная, вольная, гордая, независимая, стремительная, яркая, красивая’. Ну, а мы птицы яркие и свободные – вот и платим за выходные, как всегда, 300 долларов. Данный тип переноса закреплен в народных культурных текстах и является стереотипным: У всякой пташки свои замашки. Всякая птица свои песни поет. Птицу по перьям знать, сокола по полету. Счастье вольная пташка: где захотело, там и село. Не птицу сватать, а девуцу. И птица, выкормив птенца, его летать учит [3, с. 534].

Я-птица – практически всегда развернутая метафора. Я – это птица вольная, гадкий утенок, прекрасный лебедь, райская птица; ОНИ – большой курятник, заполненный наседками (‘несвободными, зависимыми, глупыми, чрезмерно привязанными к чему-то или кому-то’). Классический пример – сказка о гадком утенке. Он был гадким, пока не покинул родной курятник... Для того чтобы понять, насколько объективны насмешки окружающих, необходимо «покинуть курятник» – то есть попасть в другую среду. Прилагательное гадкий несет мощный эмоционально-оценочный заряд, причем в прямом номинативном значении характеризует не Я-птицу (гадкого утенка), а ненавистный курятник. Я-птица в какой-то мере персонаж «страдательный»: курятник, видя в Я-птице несвойственные ему качества, ведет себя агрессивно, стараясь заклевать, подрезать крылья, уподобить себе. 1. Наташе 34 года, и, хотя подруги замужем давно, она мечтает не о принце, несмотря на то, что все вокруг буквально заклевали ее вопросами, когда она решит наконец свить свое гнездо и обзавестись потомством. 2. В обед ты звонишь подружкам, собираешь их в шесть в вашем любимом, полузабытом в период вынужденного патриархата кафе и торжественно, с улыбкой, сообщаем им, что вы с, например, Толиком расстались... А потом они (подруги) потихонечку, осторожно начинают рассказывать о собственных бойфрендах... И все эти бойфренды ведут себя, как назло, замечательно. Ты уходишь довольная собой, поняв, что на этом кудахтающем

празднике жизни твое тело несколько инородно, и решаешь погрузиться во что-нибудь с головой. 3. Но ты, увы, уже не способна мыслить критически: комплекс наседки активизировался.

Все метафоры в приведенных контекстах используются прежде всего для передачи эмоциональной оценки. Так, часто встречаемая в текстах идиома подрезать крылья обозначает либо поведение, нацеленное на подавление воли у контрагента, либо обстоятельства, препятствующие выражению «своей» воли. Базовая метафора отнять свободу воли – это лишить свободы действия. «Эта метафора как бы указывает на общий стиль мировидения, проявляющийся в отборе таких образных ситуаций, которые воспринимаются лингвокультурологической общностью как стереотипные для выражения номинативного замысла лишить своей воли <...>. Что касается самого концептуального содержания “отнять свободу воли”, то оно оценивается в русской ментальности отрицательно» [1, с. 254]. Без крыльев птица – ком.

ОНИ-птицы зачастую характеризуются выражающими поведенческую характеристику глагольными идиомами, образованными за счет метафорического переосмысления основы [4, с. 166]: попугаичить, заклевать, куковать. Хотя, как показывает анализ материала, самым продуктивным в аспекте метафорического переноса является поле речевых действий. Основной массив этого поля составляют идиомы, которые описывают не само действие, а его интерпретации: щебетать, кудахтать, квохтать над кем-то. Употребляемые по отношению к ОНИ-птицы, данные метафоры передают семантику ‘несвободные, глупые, чрезмерно привязанные к чему-то или кому-то’ и, конечно, отрицательную оценку этих качеств субъекта.

Я-птица чаще всего характеризуется глаголами или отглагольными существительными с семантикой полета, причем подчеркиваются его большая скорость и направление (вверх или к линии горизонта). В контексте данные метафоры формируют поле положительной оценки: Но когда я в очередной раз взлетела по эскалатору с быстротой олимпийского чемпиона, то решила: пойду; И на всех парах лечу на рынок, несколько раз провалившись изящным тонким каблучком в прихваченные ночным морозом лужи; И ты уже не ковыляешь, не семенишь, а как будто летишь; Стремительный взлет; И вот скутер в моем распоряжении. «Пляжный мальчик» застегнул жилет безопасности, помог мне усесться, направил скутер к горизонту – и я полетела. Наслаждаясь скоростью, буквально представляла себя птицей над водной гладью!

«Я-птица» независима и стремительна в работе. Она успешно делает карьеру, но никогда не теряет независимости. Я-птица никогда не занимается революцией в курятнике: она покидает его без всякого

сожаления. 1. *Наиболее характерный сценарий – быстрый рост в рамках родной фирмы. Сначала ты была «седьмым лебедем у пруда», теперь – прима.* 2. *Как развиваться творческим идеям, если весь интеллектуальный багаж и креативные способности тратятся на работу с коллегами?! Остается только **взмахнуть крылом и улететь в более теплые края.***

Я-птица беззаботна, но не вследствие куриной глупости, а благодаря мудрости в выборе жизненных целей: жить интересно и быть счастливой. 1. *Если санинспектор тебя все же пугает до такой степени, что картинка, где ты **щебечешь** с постоянными посетителями, замутняется или вовсе исчезает, – придумай что-то другое, потому что это не твоя мечта.* 2. *Приехали в кафе. Обменялись дежурными фразами. Сидим. Девушки **щебечут.***

Данный признак переноса (беззаботность) закреплен в ряде народных культурных текстов: *Живет, как птица поднебесная* (ничего нет своего, беззаботен). *Витают, как птица* [3, с. 534].

Если на оси отношений Я – ОНИ Я-птица выступает положительным персонажем в постоянно повторяющемся сценарии, то ось Я – ОН обнаруживает противоречивость природы гламурной девушки. В мире гламура ОН (*мужчина моей мечты, метрома-чо, мистер Совершенство, плейбой, плохиш («Рост – 180, накачанная мускулатура, походка барса, низкий мужской голос...»)*), *хороший парень (в глубине души такой же грубиян, как и все остальные мужчины)* является контрагентом женщины (*правильной девушки*). Это принципиально важно, потому что из мира животного женщина наконец-то перемещается в социум и получает статус человека. И вот здесь срабатывает генетический код курятника, из которого, собственно, Я-птица и выпорхнула.

Выражается это либо в устойчивом желании потерять свободу и самостоятельность (*И тебе так хочется засунуть голову кому-нибудь под крыло, потому что ты так устала!*), либо в том самом комплексе наседки, *подрезающей крылья и заклевающей инакодействующего* (1. *Вот теперь самое время окружить его любовью, пока снова не **расправил крылья.*** 2. *Мужчина вряд ли рискнет залечь даме под бочок, не проведя в душе хотя бы полчаса. **Заключают и выгоняют.***).

Идиомы *засунуть голову кому-нибудь под крыло, держать под крылышком кого-либо, быть под крылышком* по категоризирующей классеме относятся к событийным. Они образуют поле деятельности и обозначают «такие его фрагменты, как опека, содействие, помощь, типа *держат под крылышком кого-либо – излишне опекать*, ограждать от неприятностей» [1, с. 168]. На оси Я – ОНИ *клюют* только ОНИ-птицы. В отношениях ОН – Я Я-птица нередко *заклеывает* своего контрагента, чтобы проявить свое доминирующее положение. Вертикаль власти

Я – ОН закрепляется позицией семантического объекта: действие либо направлено на мужчину, либо мужчина ввергается в определенное состояние, как физическое, так и эмоциональное, как правило, дискомфортное. *Затащить своего парня в капеллу. Где он будет **куковать** весь огромный вечер в обществе нафталиновых мымр* (глагол *куковать* в метафорическом употреблении означает ‘испытывать лишения, бедствовать’ [2, с. 307]).

Поле речевых действий Он-птицы также составляют идиомы, которые описывают не само действие, а его интерпретации. Интересно, что в качестве объектов сравнения используются птицы, за которыми в русской культурной традиции закреплен признак глупости и несамостоятельности: гусь, попугай, дятел. Звуки, которые они издают, оцениваются как раздражающие, бестолковые и неэстетичные. 1. *На следующий день, устав от бесконечных взглядов и оскорбительного мужского **гогота** вслед, я придумала страшную месть; 2. **Сигнал утренней пробудки – это не привычная противная трель и не согласное попугайское чириканье Бачинского со Стиллавиным.***

Как показывают тексты, истинной ценностью (*птицей счастья*) для Я-птицы является идеальный мужчина (*гордый орел* – птица независимая и умная). Но в реальной жизни *мой мужчина* оказывается обыкновенным дятлом (глупым и надоедливым). *Вам повезло, что **синица в руке превратилась в журавля в небе.** А обычно ведь как бывает: **гордый орел** при ближайшем рассмотрении оказывается в лучшем случае **дятлом.** Так что ловите свою **птицу счастья** и в качестве приманки используйте парфюмерный набор EN JOY, JEAN PATOU. Проверили – действует.*

Не заключен ли в этой метафоре основной конфликт Я-птицы? Конфликт между желаемым и действительным. Между культурным стереотипом и навязываемым гляцевым журналом типом поведения. Взращенная в курятнике, Я-птица несет генетический код птичьего двора. Ей незнакомы правила политкорректного поведения, основанного на уважении другого, пусть столь отличного от тебя. Подавить (заклевать) – основной путь утверждения собственной свободы. Мир Я-птицы не полихромен, он, к сожалению, черно-белый: совокупный портрет окружающих всегда отмечен знаком «минус», Я-птицы – знаком «плюс». Столь популярная в современной публицистике логэпистема (греч. *логос* – слово; *эпистема* – знание; переосмысление старых речевых структур, переименование старых выражений с целью сообщения им смыслового негатива) в гламурных журналах допускается только по отношению к мужчине: **45 – Брайан ягодка опять!**

Логэпистемы обращены к культурной памяти, носителями которой они являются: **45 – баба ягодка опять.** Они не только дают ощущение принадлежности к социально-культурной группе, к нации, но и

«позволяют выразить новое культурное содержание через призму картины мира, ментальности, социально-культурной истории данного народа. Этим они обеспечивают **безграничное приращение смысла, экспрессии, эмоциональности**» [5, с. 102]. Если вспомнить идеографическую анкету русской бабы (здоровая, плотски притягательная, в соку, в прыску; зла, строптивая, сварливая, бранчлива, болтлива; лжива, лукава, пособничает черту; нечиста, порочна, блудлива, бесстыдна; вольнолюбива, нарушает каноны нравственно-этического поведения; глупа, пустопорожня, лишена основательности в мыслях и поступках; плохая хозяйка, разорительница, недочеловек), остается удивляться, как Брайан не предъявил иск журналу «Cosmopolitan» за такое приращение смысла.

В целом идиомы тематического поля *птица* обладают флукутуирующей, относительной оценкой. Описывающая свойства характера идиома *стреляный воробей* ('опытный, хитрый и изворотливый человек') может определять и Я-птицу (актуализированный признак *опытный, профессиональный*; положительная оценка), и Он-птицу (опытный в амурных делах, хитрый, изворотливый; отрицательная оценка). Это устойчивая тенденция, поскольку ценность обуславливается во многих случаях эмпатией говорящего.

Показательным в этом смысле является функциональное изменение оценочности фразеологизма *женская логика* ('эталон нелогичности мышления, второсортный ум' [1, с. 267]). В гламурных текстах женский ум предстает в качестве эталонного, способного, в отличие от мужского, подняться до глубоких обобщений. Мужская политика, организующая современный социум, оценивается как глупая, непродуман-

ная, недалновидная, ущербная (в русской культурной парадигме эти признаки закреплены за *бабьей политикой*). В этой рубрике речь пойдет обо всем, что так или иначе меняет нашу жизнь. А это не только мода и красота, но и такие не объяснимые женской логикой явления, как политика. <...>. Я люблю немного подумать, в этом моя проблема. Как известно, в соответствии с предложениями президента, у нас в ближайшие годы будет отменена выборность губернаторов, а депутатов в Государственную думу мы будем избирать не самих по себе, а только от какой-нибудь партии, причем партий будет не очень много. Например, две, чтобы не перенапрягать граждан. Устойчивое сочетание *женская логика* (ущербная, недоум) в данном контексте меняет семантику на 'правильная, логичная, самостоятельная, разумная, независимая'. Мужской же миропорядок представляется абсурдным: *нам скоро будут назначать президента по группе крови*. Именно это невозможно объяснить в рамках женской логики.

В качестве заключения. Стандарты, навязываемые современными глянцевыми журналами, зачастую противоречат сложившимся в русской общности культурным концептам. Так, гламурный текст, рассчитанный прежде всего на женскую аудиторию, отражает мир по законам зазеркалья: в нем изменены все сущности, причем изменены так, как того желает современный россиянин.

«Последняя перепись 2002 года показывает, что среднее наше лицо – это гражданка от 30 до 40 лет, с высшим или средним специальным образованием, живущая в относительно большом городе, то есть практически мы с вами. Женщина – это и есть россиянин».

Литература

1. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1995.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1956. – Т. 3.
4. Сандомирская И.И. Эмотивный компонент в значении глагола (на материале глаголов, обозначающих поведение) // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М., 1991.
5. Костомаров В.Г. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века / В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова. – СПб., 2001.